

- ¹⁵ *Stanford C.A.* Envisioning Remembrance. Two Late Fifteenth-Century Tombs in Strasbourg Cathedral // Schreiben und Lesen in der Stadt... S. 311–336.
- ¹⁶ *Fleith B.* *Remotus a tumultu civitatis?* Die Johanniterkommende ‘zum Grünen Wörth’ im 15. Jahrhundert // Schreiben und Lesen in der Stadt... S. 411–468.
- ¹⁷ *Nemes B.J.* Der ‘entstellte’ Eckhart. Eckhart-Handschriften im Straßburger Dominikanerinnenkloster St. Nikolaus in undis // Schreiben und Lesen in der Stadt... S. 39–98.
- ¹⁸ *Hirbodian S.* Dominikanerinnenreform und Familienpolitik. Die Einführung der Observanz im Kontext städtischer Sozialgeschichte // Schreiben und Lesen in der Stadt... S. 1–16.
- ¹⁹ *Winston-Allen A.* Networking in Medieval Strasbourg. Cross-Order-Collaboration in Book Illustration among Women’s Reformed Convents // Schreiben und Lesen in der Stadt... S. 197–212.
- ²⁰ *Klapp S.* Pragmatische Schriftlichkeit in Straßburger Frauenklöstern des späten Mittelalters // Schreiben und Lesen in der Stadt... S. 213–238.
- ²¹ *Klapp S., Rückert P.* Die Ordnung der Küsterin: Auszug aus den Statuten für das Frauenstift Hohenburg von 1444: Edition und Kommentar // Schreiben und Lesen in der Stadt... S. 299–310.
- ²² *Schmidt P.* Historiographie und persönliche Aneignung von Geschichte. Die wiederentdeckte Künastsche Handschrift der Straßburger Chronik des Jakob Twinger von Königshofen // Schreiben und Lesen in der Stadt... S. 337–378.
- ²³ *Henkel N.* Das Bild als Wissenssumme. Die Holzschnitte in Sebastian Brants Vergil-Ausgabe, Straßburg 1502 // Schreiben und Lesen in der Stadt... S. 379–410.
- ²⁴ *Volfing A.* Op. cit. S. 20.
- ²⁵ *Ibid.* S. 28.

Н.Г. Терехова

ИТАЛЬЯНСКАЯ МИКРОИСТОРИЯ:
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Обзор докладов конференции «К 25-летию труда “Нематериальное наследие”», Венеция, 2009 г. (A 25 anni da L’Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011. 186 p.)

Более четверти века прошло с тех пор, как в свет вышла знаменитая работа Джованни Леви¹ (Giovanni Levi) “Нематериальное наследие: карьера пьемонтского экзорциста в XVII веке” (“L’eredità immateriale. Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento”), ставшая классикой современной историографии. Этому значительному событию была посвящена встреча в Венеции, в университете Ка Фоскари (Ca Foscari), где Леви преподавал в

течение многих лет. Эта работа вызвала беспрецедентный интерес, была сразу переведена на многие языки (кроме русского, к сожалению) и послужила источником вдохновения для большого числа исследователей. Участники встречи проследили в своих выступлениях развитие микроисторического подхода, его эволюцию начиная с 70-х годов прошлого века, т.е. с того периода, который инициатор конференции Паола Ланаро (Paola Lanaro) назвала “инкубационным”² (р. 7), до наших дней. По замыслу организаторов, встреча собрала известных историков и начинающих исследователей с тем, чтобы лучше понять динамику развития микроистории, определить ее роль в формировании современной науки, что представляет собой сегодня, насколько востребован этот метод новыми поколениями ученых, каковы его перспективы в будущем.

Примечательно, что каждый из участников, являясь представителем одного из двух поколений, при этом принадлежит, как это часто бывает в Италии, к определенной региональной историографической школе – в данном случае венецианской либо туринской, по месту расположения университетов, где преподавал автор “Нематериального наследства”.

В предисловии к сборнику трудов конференции историк Паола Ланаро провела осмысление феномена микроистории в ряду иных исторических подходов. Она напомнила слова Леви о том, что микроистория – это историографическая “практика”, и способы ее выражения, используемые для исследования, отправные точки и маршруты чрезвычайно разнообразны, в каком-то смысле эклектичны. Эта практика соотносится прежде всего с процедурами, осуществляемыми историком в процессе работы (р. 7). Внутри микроистории сразу возникли процессы не только взаимодействия, но и столкновения с другими историографическими теориями, а также с различными гуманитарными науками, в особенности с антропологией. По мнению автора предисловия, “не существует ортодоксальной микроистории” (р. 8), а результаты сделанных в микроисторическом ключе исследований по самым разным темам, в том числе ранее игнорировавшимся и считавшимся “низкими”, малоценными, как, например, локальная история, являются сегодня весьма впечатляющими.

Название открывшего встречу выступления Маурицио Грибауди (Maurizio Gribaуди) содержало вопрос: “Долгий путь микроистории: от политики к эстетике?”. Он рассказал об особой атмосфере междисциплинарной открытости и взаимопроникновения, царившей в Италии в университетской и исследователь-

ской среде в 70-х годах прошлого века, уделил большое внимание критической позиции, на которой возникла микроистория, на неприятии ею левых марксистских историографических доктрин, доминировавших в тот период. Докладчик подчеркнул тесную связь между профессиональной историографической практикой, личными политическими убеждениями и активной гражданской деятельностью Джованни Леви, которая выразилась в непримиримой критике линейного видения исторических процессов, их упрощения, избыточного обобщения и схематичности. Грибауди признался, что, по его мнению, микроистория “немного напоминает Талмуд – богатый и разнообразный корпус текстов, в котором можно прочесть все обо всем или почти обо всем, в котором все читали, читают и будут читать обо всем” (р. 9). Именно на этот аспект микроистории настойчиво обращал внимание и Леви, так как подобное многообразие и разноплановость “выражает саму природу социальных фактов, созданных индивидуальными интерпретациями нормативных изображений – как реальных, так и считающихся таковыми” (р. 10).

Одной из ярких черт личности Леви является его потрясающая способность выстраивать критическую методологическую проблематику, “допускавшую мириады различных прочтений и стимулировавшую многие десятки молодых исследователей к острым дискуссиям” (р. 10). Они возникали при интерпретации результатов разновекторных аналитических усилий в процессе кропотливого многоуровневого анализа исторических и социальных сюжетов. «Преподавание Джованни никогда не было догматичным. Будучи талантливым наставником, “маэстро”, он никогда не подталкивал своих учеников к слепому следованию методу, выбору тем и постановке проблем с исходно ясными, однозначными выводами. Он всегда ценил и придавал большое значение вопросам, которые формулировал сам студент. Именно поэтому невозможно охватить все темы и все проложенные благодаря его советам и подсказкам пути» (р. 10). Грибауди счел необходимым остановиться на часто забываемой, порой нарочито игнорируемой особенности микроистории, свойственной периоду ее формирования, а именно – рассмотрению исторического исследования в качестве активного политического выступления (р. 10), составной части процесса формирования политической позиции. Докладчик напомнил о том, как консервативные историки сохраняли гордое молчание в ответ на критику со стороны микроисториков, а левые, почувствовав, как зашаталась почва под их марксистскими конструкциями, “объявили ей настоящую

войну” (р. 11). Так началось основное сражение Леви и его единомышленников, выступивших против “телеологического видения истории, которого европейская левая историография придерживалась со второй половины XIX в.” (р. 11). Микроисторики отказывались от восприятия настоящего как последнего и наилучшего достижения, эволюционно более совершенной стадии по сравнению с прошлым, “автоматически определяемым как безусловно грубый и неполноценный период” (р. 13).

Грибауди рассказал об исторической выставке в одном из рабочих кварталов Турина, которая проводилась в течение 1978–1979 гг. и стала важным социальным и культурным событием, а также частью большого исследовательского проекта под руководством Леви. При его реализации ученые ставили своей целью вернуть с помощью экспонируемых материалов по праву принадлежащую непосредственным участникам исторических процессов роль, сделать их протагонистами изучаемых событий, войти в эпоху через их личные и семейные обстоятельства, свидетельства и воспоминания, соприкоснуться со временем в его конкретном социальном воплощении, дать возможность людям, населяющим обычный городской квартал, творить историю, а не быть ее пассивными свидетелями и отчасти жертвами (р. 14).

Группа единомышленников, объединившихся вокруг Леви, с энтузиазмом работала в “мертвых зонах официальной историографии”, стараясь по крупицам восстановить сложность социальных механизмов (р. 15). В ходе работы возникали многочисленные контакты, рождались дискуссии, вспыхивали споры в местных комитетах больших и малых городов и поселков, в ячейках политических партий и в профсоюзных организациях. Часто все вместе выезжали на семинар по устной истории в Милан и в другие города – в Аосту, в Асти. Командой совершали вылазки на собрания групп самоуправления жителей в Алессандрии, в Генуе, в Мантуе. Это были настоящие научные экспедиции, но при этом в них была та же пассионарность, то же желание действовать и убеждать, что и в акциях по распространению листовок перед воротами фабрик и заводов, которые историки организовывали в начале 70-х годов. Грибауди вспоминает: “Джованни поздно получил права, он плохо водил машину, но обычно, несмотря на то, что был близоруким, нажимал изо всех сил педаль газа, чтобы поскорей преодолеть все препятствия, даже те, которые еще не возникли на нашем пути. Будто магнитом притягивал его горизонт и, ухватившись за взбесившийся руль, он мчал нас на сумасшедшей скорости на эти встречи, непрерывно рассуждая при

этом об истории, о политике, о литературе... это было потрясающе!” (р. 15). Множество встреч проходило у Леви дома, на них обсуждали студенческие работы, самые разнообразные научные и общественные проекты. По признанию докладчика, “они сформировали нас эмоционально и интеллектуально. В те годы активно обсуждалась тема альтернативной культуры, народной культуры, не в том смысле, что она хуже или лучше, а в том, что она другая, что дает иное прочтение той же реальности, предлагает разные формы возможных бифуркаций” (р. 15).

Случилось так, что микроистория преодолела границы, стала достоянием ученых многих стран, и “контакт микроистории с другими, более внимательными к методологическим вопросам историографическими традициями, особенно с французской, преобразовал этот политический и научный проект в методологическую практику” (р. 17). Возникший в связи с этим парадокс Грибауди проиллюстрировал большой цитатой из великолепного текста Вальтера Беньямина. С его помощью докладчик хотел бы “возродить былую славу и отдать должное интуиции микроисториков” (р. 19), сравнив эстетизм подлинных научных исследований со скульптурной группой Лаокоона. Этот шедевр олицетворяет наивысшее художественное воплощение реальности, возможное только благодаря полноте реконструкции моментов движения и сопротивления, возникших в прошлом и служащих этой новой реальности подоплекой. Эстетика микроистории для Грибауди состоит во множестве сплюснутых временем отрезков движения, потенциально способных вернуть энергию каждому мгновению в прошлом и настоящем. Историк приводит слова Гёте о том, что эстетика проявляется в способности вписать движение в настоящее время, схватить особую гамму напряжений, которые оживляют каждый объект (р. 21).

По определению Вальтера Беньямина, “правда исторического момента как раз и состоит в том клубке неопределенностей, который будто бы блокирует динамику истории, заставив событие зависнуть между прошлым и будущим. Не надо думать, что прошлое освещает настоящее или что настоящее освещает прошлое. Это изображение, в котором, как при вспышке молнии, Далекое встречается с Сиюсекундным для того, чтобы образовать созвездие. Иными словами, изображение – это обездвиженная диалектика” (р. 21).

На результатах, достигнутых в области локальной истории, остановился Анджело Торре (Angelo Torre) в докладе “Сообщество и местный контекст”. Он рассказал, как после 15 лет сотруд-

ничества с Леви, совместных проектов и исследований в университете занялся локальной историей. По его мнению, “сейчас все согласны с тем, что последние 30 лет стали периодом радикального изменения аналитических категорий. Обычно это изменение сводится к переходу от социального анализа групп, общностей и межличностных отношений к культурному анализу” (р. 25). При этом историк заметил, что подобный подход нельзя считать исчерпывающим, что сейчас на международной сцене царят две категории – *локальное* и *глобальное*, которые заменили собой предшествующую пару “*общество/культура*”. Об этом впервые сказал Ричард Фэрдон по случаю 50-летия Ассоциации социальных антропологов в 1995 г., уточнив, что правильнее было бы говорить и о “глобальном обществе”, и о “локальных культурах” (р. 26). В любом случае, термины *локальный* и *глобальный* утратили популярность, присущую им тридцать лет назад. В течение девятнадцатого и двадцатого веков мир воспринимался в виде мозаики территориальных социокультурных образований, которые могли быть встроены или в некую иерархию, или, в более предпочтительном варианте, сравнивались и соревновались между собой (р. 26), но при этом общество представлялось состоящим из социальных групп, которые понимались как *предметы*, а не как *процессы*.

Микроистория критически реагировала на подобную иерархию значений. В подтверждение своих слов Анджело Торре показал на материале деятельности религиозных братств Пьемонта XVII в. способ выявления механизмов, через которые общинные и корпоративные практики определяли местную идентичность и географические границы конкретного социального феномена. При этом историк учел неопределенность таких явлений, как нормативное поле, и принял во внимание разнообразие моделей власти и юрисдикций донаполеоновской Европы, в рамках которого индивидуум мог выбирать среди конкурирующих политических, правовых и налоговых систем (р. 34). Торре отметил, что именно благодаря работам Эдоардо Гренди (Edoardo Grendi) юридические документы позволили значительно расширить наши познания в области исторической антропологии (р. 35).

“Всего десять лет – таков срок жизни итальянской микроистории”, – с этого неожиданного заявления начал свое выступление Лучано Аллегра (Luciano Allegra). Она возникла, развилась и завершилась за сравнительно короткий период времени. В 1976 г. был издан труд Карло Гинзбурга (Carlo Ginsburg) “Сыр и черви” (“Il formaggio e i vermi”), в 1981 г. – “небольшая, но гениальная и насыщенная” работа Рауля Мерцарио (Raul Merzario) “Тесный

городок” (“Il paese stretto”), а в 1985 г. все закончилось публикацией “Нематериального наследства”. Аллегра считает, что эти “три книги-символа произвели маленькую эпистемологическую революцию в исторических дисциплинах” (р. 59). Благодаря этим трем работам микроистория способствовала глубинному обновлению парадигмы исторических исследований последних лет, но сама при этом *парадигмой* не стала (р. 63). “Есть дисциплины, в которых связи между индивидуальной историей и общей проблематикой формализованы гораздо более удовлетворительным образом, чем это было сделано в исторической науке”. И речь идет не только об антропологии, “но и о таких дисциплинах, как медицина, психология, неврология, где исследователь тоже имеет дело с микроисториями, с отдельными случаями, следует за нитью индивидуального рассказа, интерпретируя его при помощи общих принципов функционирования психики и нейрофизиологии” (р. 65). Докладчик сослался на теорию психоанализа З. Фрейда и “романтическую неврологию великого русского ученого Александра Лурия”. Их общая понятийная база, принципы функционирования психики или нейрофизиологии позволяют связать неразрывно индивидуальный опыт и глубинную проблематику и таким образом сконструировать историю или несколько историй, которые, будучи проанализированными всесторонне, позволяют пролить свет на общую картину. Речь идет о том же принципе, который предвещает рождение любой научной революции (р. 65).

Аллегра обратил внимание на то, что, являясь одним из основателей микроистории, Леви настаивал на политико-идеологическом происхождении и мотивации микроисторического эксперимента (р. 66). “Начиная с 80-х годов прошлого века мир сильно изменился. Мы не можем больше изучать просто какую-то деревню, не только потому, что сегодня эта деревня стала глобальной, но прежде всего потому, что изменился состав современных обществ, значительно увеличилась доступность информации и изменились вопросы, которые формулируют историки” (р. 67). Аллегра заявил, что нужно развеять сложившееся за многие годы убеждение, согласно которому микроистория сосредоточивает внимание на маленьком, мелком объекте и не занимается “напряжением”, возникающим между маленьким и большим явлениями. “Если обвинения в низкой релевантности микроисторического подхода еще продолжают звучать из-за нерешенности проблемы связи между макро и микро, то на это можно ответить лишь одним способом – поменяв понятие контекста. Локальный контекст должен уступить место контексту, имеющему отношение к пред-

мету исследования” (р. 67). Докладчик привел в пример физику, которая уже несколько десятилетий занимается расшифровкой сверхсложных систем, т.е. систем, в которых действует большое количество переменных величин. Будучи далекими от состояния равновесия, они дали толчок рождению новой науки “сложных систем”, которая включила в себя теорию хаоса, разработанную Ильей Пригожиным, достаточно вспомнить метафору о крыльях бабочки и торнадо, возникающем на расстоянии в 10 000 миль. Аллегра обратил внимание на то, что данная область физики изучает явления и процессы, чрезвычайно похожие на исторические объекты, которыми занимаются историки. “Мы должны увеличить количество переменных величин, которые действуют в каждой данной ситуации, принимая во внимание даже те, что внешне кажутся к ней непричастными. Теперь нам нужно работать не над заданным контекстом, а над контекстом, который, как нейронные сети, является результатом всех возможных форм логического взаимодействия” (р. 68).

Сабина Лорига (Sabina Loriga) начала выступление с поэтических строк Томаса Элиота:

“Think now
 History has many cunning passages, contrived corridors
 And issues, deceives with whispering ambitions,
 Guides us by vanities. Think now
 She gives when our attention is distracted
 And what she gives? Gives with such supple confusions
 That the giving famishes the craving”
 (*Gerontion in Poems*, 1920)³

Стихи были призваны напомнить собравшимся об одной внешне простой фразе, которую любит повторять Леви: человека, индивидуальность, нужно искать в хитросплетениях истории. Об этом он написал на первых же страницах “Нематериального наследства”: в зазорах, в глубинных извилистых ходах “внутри стабильных или формирующихся нормативных систем отдельные люди и целые группы выстраивают свою значимую стратегию, оставляющую стойкий след... Он не препятствует формам доминирования, но обуславливает их и модифицирует” (цит. по с. 69). Чтобы показать важность и глубину этой идеи, Лорига сочла необходимым дать критический анализ восприятия индивидуальности за последние двести лет, принимая во внимание то влияние, которое было оказано на историков как политической пропагандой, так и молодыми дисциплинами – демографией, социологией и психологией. В результате “анонимным социальным

силам, столь предпочтительным для социальных наук, политическая история экзальтированно противопоставила *великих* деятелей, формирующих ход истории, меняющих ее направление” (р. 71). Историк выявила ограниченность и опасные последствия подобных историографических крайностей и подчеркнула, что сама смогла преодолеть эту дихотомию благодаря встрече с Леви. Она назвала две важные работы итальянских историков: “Нематериальное наследие” и “Сыр и черви”, которые “ввели понятие единичного в разговор о социальном. ... Персонажи Леви не имеют ничего общего ни с величавой риторикой, ни с неолиберальным индивидуализмом, который пользуется столь большим успехом в последние двадцать лет. Это фигуры хрупкие, скромные, неуверенные, зависимые от других людей и от социальных структур, они напоминают персонажей Достоевского, описанных Михаилом Бахтиным. Они не влияют на ситуацию, а тем более на интенсивность или на направление исторических событий, но их значение нельзя назвать ничтожным, они что-то говорят, что-то делают, внося свою лепту – пусть очень скромную. ... Благодаря им удастся избежать фальшивой, надуманной альтернативы прославления/уничужения субъективности” (р. 73).

Историк обратила внимание на то, что, по мнению Леви, не существует единой нормы, которую можно было бы применить ко всему разнообразию социального опыта, скорее, речь может идти о различных правилах, зачастую конфликтующих между собой. Это означает, что центральная власть, рынок, государственные структуры, население – это не закрытые общности и не музыкальные инструменты, звучащие в унисон. Лорига сочла наиболее точным сравнение с соединительной тканью, пронизанной электрическими полями разной интенсивности. “Таким образом, задача историка – не унификация разрозненного материала, не выстраивание *единого* дискурса прошлого, а обогащение партитуры возможных дискурсов. Мир вокруг – это не независимая от людей, нависающая над ними социальная тотальность в виде системы или структуры, а *живительная* реальность” (р. 74, курсив переводчика). Исследовательница сделала вывод о том, что очень важно вернуть истории фундаментальную этику, не мораль, на формулирование которой претендует образцовая, показательно-поучительная история, а именно этику истории с присущей ей вечной “драмой выбора” (р. 74).

О ведущей роли семейных “фронтов”, сплоченных родственных групп, сложных матримониальных альянсов как об одной из основных и сильных идей “Нематериального наследия” гово-

рил Франко Рамелла (Franco Ramella) в докладе “Заметки о семье, мобильности и потреблении”. Он посетовал, что в настоящее время итальянские историки все реже уделяют внимание изучению “родственной и дружеской сети, которая объединяла проживавшие рядом друг с другом семьи, а ведь именно внешние связи, еще в большей мере, чем внутренние, претерпевали важные, интересные изменения во времени и в пространстве” (р. 79). Рамелла задается вопросом, не настала ли пора служителям Клио вернуться к тем темам и на те площадки, которые были захвачены социологами и демографами (р. 80). В своем выступлении он показал, что тенденции к изменению семьи в народных городских классах после Второй мировой войны имеют общие черты во всей Западной Европе. Они выразились в двух основных явлениях: мощный демографический рост, оказавший влияние на “городскую морфологию”, и распространение новой модели потребления, метко названной Леви “потребительской страстью”, которая определила и отразила изменения в семейных отношениях (р. 81). В вопросе о росте городского населения фундаментальной проблемой для исследования, по мнению историка, являются миграционные потоки, так как мобильность населения сыграла центральную роль в процессе изменения семьи в послевоенный период. Рамелла подчеркнул, что необходимо различать “формы коллективной и индивидуальной мобильности, которые сосуществуют, включая в себя при этом достаточно широкий спектр ситуаций. Предметом анализа должно стать выявление усложняющего влияния на различные модели взаимодействия, на те особенности, которые проявляются в социальных группах по прибытии на новое место” (р. 83). Историк показал, что изменение потребительских практик приводит в конечном итоге к переориентированию социальных границ семьи и возникновению ее новой модели (р. 86).

Одним из выдающихся результатов работы “Нематериальное наследство” Рената Аго (Renata Ago) назвала доказательство того факта, что сплетение взаимосвязей, обязательств, договоренностей, формирующих репутационный капитал, может составить ценность гораздо более высокую, чем земельное владение. Тезис о том, что репутация сама по себе привлекает ресурсы и, как и материальное богатство, играет важную социальную роль в олицетворении престижа, в качестве символического атрибута, уместного и необходимого для удовлетворения семейных амбиций (р. 89), был выдвинут Леви несколько десятилетий назад. Аго проанализировала данную функцию, особенно интересно проявляющуюся в момент наследственного перехода владения от одно-

го лица к другому, на обширном материале завещаний, судебных тяжб о наследстве и посмертных описей имущества художников, коллекционеров, людей, занимавшихся литературной деятельностью, адвокатов, т.е. профессионалов, которых можно назвать интеллектуальной, творческой элитой, отличавшейся своими жизненными ориентирами и репутационными стратегиями от аристократии. Историк щедро проиллюстрировала свое исследование материалами из жизнеописания выдающегося скульптора Бернини, составленного его сыном и изданного в Риме в 1713 г.

Далее в ходе венецианской встречи слово взяли представители молодого поколения. Тему сложных взаимоотношений микроистории с экономической историей затронул **Джованни Фаверо** (Giovanni Favero). Он пришел к выводу о том, что о них можно и нужно рассуждать в терминах диалектики. По его мнению, необходимо учитывать прежде всего “постоянное напряжение между тенденцией к упрощению теоретических моделей и параллельным усилием, направленным на включение элементов, оставшихся вне модели. В результате этих разнонаправленных действий связь между ними усложняется и служит началом их взаимодействия” (р. 113). При этом ученый обратил внимание на то, что не все элементы, релевантные в данной исторической ситуации, легко измеряемы и подлежат количественному определению. Имея опыт занятий историей статистики, Фаверо призвал к осторожности в использовании статистических данных для нужд исторического исследования, подчеркнув ограниченность и политическую обусловленность, сопровождающую выстраивание статистических величин и индикаторов. Историк “уверен, что наиболее эффективные интерпретации и наиболее инновационные прочтения рождаются именно в результате усилий по сочетанию и скрещиванию различных источников, методов, объектов” (р. 116).

Важнейшую тему соотношения микроистории, мировой и глобальной истории затронула **Франческа Тривеллато** (Francesca Trivellato). По ее мнению, именно автор “Нематериального наследства” научил исследователей методу, который позволяет выйти за границы специфического географического и временного круга (р. 119). При этом одно из основных различий между микроисторией и двумя вышеперечисленными историографическими разновидностями “big story” состоит в их “идеологической эластичности” (р. 121), в отсутствии гуманитарного, гражданского импульса, подобного тому, что послужил толчком для зарождения

итальянской микроистории. Затем Тривеллато затронула важный и актуальный вопрос о соотношении материальной базы и символической репрезентации, также разработанный в знаменитом труде Леви. В отличие от учения “марксистских ортодоксов” и интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца итальянский ученый настаивал на неоднозначной, многогранной природе последней.

Федерика Руспио (Federica Ruspio) начала выступление с утверждения о том, что “микроистория имеет много общего с сетевым анализом (network analysis)” (р. 133), а затем пояснила его на примере купцов-сефардов, выходцев из Португалии, осевших в Венецианской республике в конце XVI – первой половине XVII в.

“Кому принадлежит труд?” – размышлениями о проблемах истории труда поделился с коллегами Андреа Каракаузи (Andrea Caracausi). По его мнению, именно в этом направлении микроисторический подход выявил свой максимальный потенциал, что позволило опровергнуть повсеместно принятые аксиомы и пересмотреть глубоко укоренившиеся предрассудки при помощи “созидательной деструкции”, позволяющей выйти за пределы дисциплинарных границ и традиционных временных горизонтов” (р. 153). Каракаузи предложил не останавливаться на простом противопоставлении “моральной” и “рыночной экономики”, ввиду того, что труд обладает не всегда поддающейся стандартизации индивидуальной природой, различными уровнями качества и компетенции, вплетен в “постоянный диалог вокруг темы прав и обязанностей” работника и работодателя. Исследовав деятельность падуанских производителей шерсти середины XVI в., историк пришел к выводу о том, что труд, являясь товаром, подлежащим обмену, подвергался различным правовым и иерархическим ограничениям, которые зачастую контрастировали между собой (р. 157).

В завершение встречи состоялась живая и увлекательная дискуссия. В целом, по признанию Паолы Ланаро, день, проведенный вместе с учениками, коллегами и друзьями Леви, дал возможность “выразить благодарность Джованни, который научил нас многому, обогатил не только интеллектуально”, но и помог понять, что такое нематериальное наследство, как его принимать, хранить, приумножать и вновь, в свою очередь, передавать следующим поколениям, признавая при этом как высшую и абсолютную ценность “независимое, свободное мышление” (р. 8).

В рамках подготовки к конференции Паола Ланаро взяла интервью у автора “Нематериального наследства”, перевод которого на русский язык редакция журнала “Одиссей” публикует с ее любезного согласия⁴.

ИНТЕРВЬЮ С ДЖОВАННИ ЛЕВИ

Джованни принимает нас у себя дома. За спиной у него великолепная библиотека, его знаменитая фантастическая библиотека.

Расскажи нам о твоей жизни, Джованни.

Рассказать собственную жизнь невозможно, на это понадобилось бы семьдесят лет. Мы обычно так говорим, когда занимаемся нарративной историей: “Расскажите нам о своей жизни”. Могу немного сказать о том, как я сформировался. Я вырос в очень политизированной семье, это была еврейская семья, и думаю, что эти два момента сильно повлияли на меня в детстве. Я родился в 39-м году, поэтому на протяжении всей Второй мировой войны принимал в ней участие, как ребенок, конечно. Должен признаться, увлекательно проводил время и во время расовых преследований, и в годы, когда мы прятались, и звали меня не Джованни Леви, а Джованни Кардоне. Дети воспринимают как реальность лишь то, что им знакомо, и они не подозревают, что нормальная жизнь это не война, не подполье и не смена имени. Я играл с местными детьми в горной деревушке в Пьемонте, где мы скрывались с матерью и братьями, потому что мой отец был партизаном. Играли в фашистов и партизан, в другие похожие игры. Это был очень трудный период, ужасный для матери и тяжелый для отца, но для нас, по сути, он был радостным. Нельзя сказать, что мы не осознавали опасность, – мы ее вполне сознавали. Но мы не понимали, что опасность – не норма, мы думали, что обычная повседневная жизнь именно такова.

Думаю, что эти обстоятельства сыграли важную роль в формировании моей личности. В те годы я научился двум вещам. От моего отца я усвоил, что нужно всегда заниматься политикой и что все, чем мы делаем в жизни, имеет политическое значение. Кроме этого, я осознал, что мы принадлежали к меньшинству. Я всегда думал, что большое преимущество того, что ты родился в еврейской семье, состоит в обострении гражданского чувства, возникающего, когда ты являешься частью меньшинства. Именно

СОДЕРЖАНИЕ

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? ЖЕНЩИНА В РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЕ

Ю.Е. Арнаутова

ВВЕДЕНИЕ 5

С. Кланп

ЖЕНСКИЕ ДУХОВНЫЕ ОБЩИНЫ В ГОРОДАХ ЮЖНОГО ВЕРХНЕГО РЕЙНА (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИНЫ СВ. СТЕФАНА В СТРАСБУРГЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ) 9

З. Хирбодиан (Шмитт)

“ДИКИЕ, РАЗВРАТНЫЕ И НЕДУХОВНЫЕ СЕСТРЫ”: ЖЕНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ СТРАСБУРГА В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ 32

А.Ю. Серегина

ЗАЩИТНИК ВЕРЫ И УЛИЧНЫЙ ПРОПОВЕДНИК: ЛУИСА ДЕ КАРВАХАЛЬ В ЛОНДОНЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА 57

Е.Б. Смилянская

ЖЕНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ КОНЦА XX ВЕКА (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ПОЛЕВОГО АРХЕОГРАФА) 90

О.И. Тогоева

“ОСТАВИВШИЕ СОЗДАТЕЛЯ И ОБРАТИВШИЕСЯ К САТАНЕ”. ВЕДОВСКИЕ СЕКТЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 115

ПРАВИЛО СВЯТОГО ЦЕЗАРИЯ [Арльского] 133

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

О.Г. Экле

“ИСТОРИЯ” КАК НАУКА – “ИСТОРИЯ” КАК РОМАН 157

ИЗОБРАЖЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

О.С. Воскобойников

СНОВА О ТЕЛЕ КОРОЛЯ. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ОТТОНОВСКОЙ КНИЖНОЙ МИНИАТЮРЫ 177

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

М.Р. Ненарокова

СВ. ОСВАЛЬД НОРТУМБРИЙСКИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ХРИСТИАНСКОГО ПРАВИТЕЛЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 205

Н.А. Ганина

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ У МЕХТИЛЬДЫ МАГДЕБУРГСКОЙ..... 242

О.Е. Кошелева

ИИСУС КАК УЧИТЕЛЬ В РУССКИХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ XVI–XVII ВЕКОВ..... 329

П.-А. Будин

ВЕДОВСТВО В ШВЕДСКОЙ ДЕРЕВНЕ. БАХТИНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА 346

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

М.А. Курышева

ЗАБЫТЫЙ МАСТЕР: ЭСКИЗ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ВИЗАНТИНИСТА М.А. ШАНГИНА 364

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Н.А. Ганина

ДУХОВНЫЙ СТРАСБУРГ

Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012 388

Н.Г. Терехова

ИТАЛЬЯНСКАЯ МИКРОИСТОРИЯ: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011 393

А.Н. Алексеев, А.Ю. Даниэль

ПРАВО НА ИМЯ

Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе. Избранное. 2003–2012. СПб., 2013..... 415

IN MEMORIAM

ЖАК ЛЕ ГОФФ (1.01.1924–1.04.2014) 422

SUMMARIES..... 425

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 431

CONTENTS

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? WOMAN IN A RELIGIOUS COMMUNITY

Yulia E. Arnautova

INTRODUCTION 5

Sabine Klapp

WOMEN'S CONVENTS IN THE CITIES OF UPPER RHINE: THE CASE OF
THE CONVENT OF ST. STEPHEN IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG 9

Sigrid Hirbodian

“WILD, LECHEROUS AND UNSPIRITUAL SISTERS”: WOMEN'S
CONVENTS IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG..... 32

Anna Yu. Seregina

A DEFENDER OF FAITH AND A STREET PREACHER: LUISA DE
CARVAJAL IN THE EARLY 17TH CENTURY LONDON..... 57

Elena B. Smilyanskaya

WOMEN'S SPIRITUAL LEADERSHIP IN AN OLD BELIEVER
COMMUNITY AT THE END OF THE 20TH CENTURY: FIELD NOTES..... 90

Olga I. Togoeva

“THOSE WHO FORSOOK THE CREATOR AND TURNED TO SATAN”:
WITCHES' SECTS OF THE LATE MIDDLE AGES 115

CESARIUS OF ARLES *REGULA AD VIRGINES* 133

THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

“HISTORY” AS SCIENCE – “HISTORY” AS NOVEL..... 157

IMAGES AND POLITICAL HISTORY

Oleg S. Voskoboinikov

ONCE AGAIN ON THE KING'S TWO BODIES. TOWARDS THE POETIC
OF OTTONIAN BOOK ILLUMINATION 177

RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

Maria R. Nenarokova

THE HOLY KING OSWALD OF NORTHUMBRIA: THE TRANSFORMA-
TION OF A CHRISTIAN RULER'S IMAGE IN THE MEDIEVAL LATIN
LITERATURE 205

<i>Natalia A. Ganina</i>	
MECHTHILD OF MADGEBURG'S SPACE AND TIME.....	242
<i>Olga E. Kosheleva</i>	
JESUS AS A TEACHER IN 16 TH AND 17 TH CENTURY RUSSIAN SCHOOL TEXTS.....	329
<i>Per-Arne Bodin</i>	
WITCHES IN BOTEÅ.....	346

HISTORIAN AND TIME

<i>Marina A. Kurysheva</i>	
HISTORIAN OF BYZANTIUM MSTISLAV SHANGIN: THE UNREMEMBERED MASTER.....	364

REVIEWS

<i>Natalia A. Ganina</i>	
SPIRITUAL STRASBOURG	
Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012.....	388
<i>Natalia G. Terekhova</i>	
ITALIAN MICRO-HISTORY: TWENTY FIVE YEARS LATER	
A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011.....	393
<i>Andrei N. Alexeev, Alexandre Yu. Daniel</i>	
RIGHT TO NAME	
Biographica in the 20 th century. Veniamin Ioffe Memorial Conference. Selection. 2003–2012. Sankt-Peterburg, 2013.....	415
IN MEMORIAM	
G. LE GOFF (1.01.1924–1.04.2014).....	422
SUMMARIES	425
ABOUT AUTHORS	431